

ДМИТРИЙ
КОЛЧИГИН

История духа как техника выживания

Вот видишь, твой гуманизм – это чистейшее Средне-
вековье.

ТОМАС МАНН. «Доктор Фаустус»

В январе 1932 года в штуттгартском издательстве «Deutsche Verlags-Anstalt» вышла новая книга боннского профессора Эрнста Роберта Курциуса. Называлась она «Немецкий дух в опасности»¹ и на первый взгляд могла бы составить пару более ранней его книге из того же Веймарского периода «Французский дух в новой Европе» (1925)² – тем более, что два «духа», французский и немецкий, действительно, как два полюса, приводили жизнь молодого Курциуса в движение. На деле, впрочем, по 1931 году проходила невидимая, но почти осязаемая черта, разделившая мир, историю – и мировоззрение самого Курциуса. В 1950-м и сам он – вслед за Сент-Бёвом, и отчасти под маской его цитат – подразделяет свои работы «сообразно различным эпохам и обстоятельствам, через которые я проходил»³. Весь период 1919–1931 годов Курциус характеризует – опять же словами Сент-Бёва – как «analytique, descriptive et curieuse», в то время как с 1932-го начинается этап «подведения итогов».

1 CURTIUS E.R. *Deutscher Geist in Gefahr*. Stuttgart; Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt, 1932.

2 IDEM. *Französischer Geist im neuen Europa*. Stuttgart; Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt, 1925.

3 IDEM. *Kritische Essays zur europäischen Literatur*. Bern; München: Francke Verlag, 1963. S. 8.

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

В год написания «Французского духа» (1925) Курциус в переписке с Максом Рихнером высказывал достаточно критические суждения о филологии как таковой, говорил, что чужается духовно-исторических взглядов, и вместо филологической литературы призывал читать «гуманистическую»⁴. В 1931–1933 годах Курциус и сам на время отходит от чистой филологии и даже от литературоведения, погрузившись в поиски гуманистического ключа к новому времени. Подведение социальных и политических итогов в предчувствии времен, суровых и немилосердных, подтолкнуло Курциуса к переосмыслению целого ряда культурно-исторических явлений, неизменно сопровождавших его проект глобальной Европы. Здесь мы сконцентрируемся на концепции нового гуманизма, призванного, по Курциусу, сохранить целостность народного духа в условиях надвигающейся катастрофы. Томас Элиот, с которым у Курциуса были приятельские отношения, в своей рецензии на «Немецкий дух в опасности» называет представленную здесь главу «лучшим и наиболее разумным изложением “гуманистического” подхода, какой мне только доводилось читать»⁵. Ценная сама по себе глава «Гуманизм как инициатива» приобретает дополнительную глубину в идейно-историческом контексте и в рамках курциусианского корпуса. Здесь мы постараемся этот контекст восстановить. Книга «Немецкий дух в опасности» не переиздавалась с 1932 года и стала с тех пор библиографической редкостью; целиком она до сих пор переводилась только на итальянский⁶ и японский языки. В новой реальности представляется необходимым поближе ознакомить с этой книгой и русскоязычного читателя.

Дмитрий Колчигин (р. 1988) – переводчик, филолог, работал над переводом на русский язык сочинений Якоба Гримма, Эрнста Роберта Курциуса, Эриха Ауэрбаха и других. Живет и работает в Алматы (Казахстан).

* * *

«Немецкий дух в опасности» составлен из пяти глав, у каждой из которых есть своя история. Так, основой для первой главы – она озаглавлена «Упадок образования и ненависть к культуре» – послужила статья «Abbau der Bildung», вышедшая в сентябре 1931 года в «Die Neue Rundschau». Статья эта немедленно привлекла внимание даже за пределами Германии и уже в декабре того же года была опубликована во французском переводе как «Abandon de la culture». Центральное понятие этого очерка – *die Bildung*, которое здесь, как и во многих случаях у Курциуса, нуждается в отдельном рассмотрении. Чаще все-

4 MERTZ-RYCHNER C. (Hrsg.). *Aus dem Briefwechsel Max Rychner – E.R. Curtius*. Marbach: Deutsche Schillergesellschaft, 1987. S. 8.

5 ELIOT T.S. *A Commentary [on E.R. Curtius' "Deutscher Geist in Gefahr"]* // Criterion. 1932. № 12. P. 74.

6 CURTIUS E.R. *Lo spirito tedesco in pericolo*. Bologna: I Libri di Emil, 2018.

го оно у него означает просто «культура» (как во французском переводе⁷), но кое-где, и особенно в первых главах «Немецкого духа», оно явно связывается с образовательной и воспитательной культурой. Упрощенно говоря, *Bildung* у раннего Курциуса – это скорее культура личная, «культурность» отдельного человека, достигнутая за счет воспитания, образования, духовного наставничества. Иногда в этом смысле речь может идти не об индивидах, а об отдельных народах: скажем, о немецкой *Bildung* как части всевропейской⁸. И даже в более поздних работах, когда, например, поднимается тема средневекового *Bildungswesen*, имеется в виду та культурная система, которая заложена в образовании (тривиум и квадривиум)⁹. Весьма примечательно, как Курциус, говоря о распаде немецкого духа в воспитательной культурной системе, проходит иронически по концепции «физической культуры»: в 1932 году, говорит он, Немецкая федерация гимнастики выступила под лозунгом «*Gymnastik ist Bildung*», и в этом видится «крайний случай бездумного злоупотребления» столь высоким понятием¹⁰.

Понять подлинный смысл воспитательной культуры, говорит Курциус, можно в современной ему Германии только через труды Макса Шелера (этого философа он чтит исключительно высоко и называл наиболее выдающимся со времен Ницше). Суммируя шелеровские рассуждения, сам Курциус дает следующее определение:

«Воспитательная культура – это причастие отдельного человека ко всему, что есть значимого в природе и в истории, это самоконцентрация мира в человеке или воздвижение человека к миру»¹¹.

Распад этой самоконцентрации может происходить в разных формах, и в том числе – под видом интеллектуального

- 7** Здесь можно вспомнить книгу Курциуса «*Die französische Kultur*», в которой противопоставлены понятия о культуре и цивилизации (Рене Веллек впоследствии критиковал Курциуса за столь общее понятийное основание, а Людвиг Штейнке, наоборот, находил, что Курциусу удалось изящно избежать этого традиционного столкновения). Книгу молниеносно, еще в начале 1930-х перевели на множество европейских языков, и во многих случаях заметны терминологические колебания между *Kultur* и *civilisation*, *Bildung* и *culture*. Французский перевод компромиссно озаглавлен как «*Essai sur la France*».
- 8** И наоборот, культурно-исторические субъекты сами по себе называются культурами: так Курциус, например, обозначает все то, что у Тойнби называется «обществами».
- 9** См.: ИДЕМ. *Das mittelalterliche Bildungswesen und die Grammatik* // *Romanische Forschungen*. 1947. Vol. 60. № 1. S. 1–26.
- 10** ИДЕМ. *Deutscher Geist in Gefahr*. S. 14. О спорте Курциус всегда без исключений писал в каком-то гневном, осуждающем, уничижительном тоне; удивительно, но «восторг перед “упражнениями”» он рассматривал даже как своего рода угрозу для истинных ценностей. Нет ли в этом некоего пренебрежения к подлинному гуманистическому идеалу калокагатии? Специально этот вопрос нигде у Курциуса не рассмотрен, но, вероятно, он подразумевал здесь неравновесное возвышение гилико-соматического начала в эпоху духовного кризиса. Как нам уже приходилось упоминать, в поздние годы на подобные курциусовские суждения свой отпечаток явно накладывает берлинская Олимпиада 1936 года и спортивно-гимнастическая пропаганда «*Kraft durch Freude*». Впрочем, как видно по «Немецкому духу», корни этого – довольно, стоит сказать, специфического! – противопоставления спорта и гуманизма уходят у Курциуса в еще более ранние времена.
- 11** Ibid.

прогресса; впрочем, перед лицом варваризации и тоталитаризма, как добавляет Курциус, излишняя интеллектуализация молодежи – это последнее, что может представлять угрозу. «В одном националистическом романе, – говорится в первой главе, – буквально так и сказано: “Интеллект – вот опасность при воспитании характера”. В этом наивном признании действительно можно усмотреть грубую квинтэссенцию нынешних настроений»¹². Цитируется здесь не что иное, как роман Йозефа Геббельса «Михаэль» (1929) с говорящим подзаголовком «Немецкая судьба»¹³. Здесь впервые проступает напрямую тот антифашистский контур, в который вписана книга Курциуса: на политические темы он редко высказывался открытым текстом и обычно пользовался для этого иносказаниями, цитатами, аллюзиями; иногда это вызывало критику и недовольство – например, у Томаса Манна, с которым Курциус вел в свое время полузаочный спор об эмиграции, – но были у этого метода и свои апологеты.

В любом случае в 1932 году Курциус в первый и последний раз напрямую – насколько это вообще возможно в рамках его литературной техники – выступил с политическим манифестом, культурно-политической программой. Позднее он обозначил «Немецкий дух в опасности» обобщенным понятием «полемическое сочинение», и эта характеристика в целом закрепились в сопутствующей литературе. Одновременно с «Немецким духом» в развитие темы, поднятой в первой главе, Курциус подготовил, как теперь известно¹⁴, целую книгу о «воспитательной культуре» и народном образовании, полностью ее завершил и... бросил в марте 1933 года на стадии типографской предподготовки. К тому времени было уже очевидно, что проект нового гуманизма в публичном виде не выживет и для сохранения островков культурного сопротивления курциусовский реставрационизм должен был уйти в катакомбы. Собственно, такой вариант был предусмотрен и в «Немецком духе», где сказано под конец:

«Если времена настанут совсем беспросветные, высшие сословия отрешатся, низшие озвереют и новая жизнь не сумеет пробиться к сумраку наших дней, то гуманисты, разобщенные и безымянные, все равно друг друга разыщут и будут работать втайне»¹⁵.

12 Ibid. S. 20.

13 Есть там и другие высказывания на ту же тему: «Наш народ отравлен интеллектом» или «Все во мне противится интеллекту». Марксизм у молодого Геббельса также отвергнут на том основании, что «все в нем рационально». См. об этом в: HILLESHEIM J., MICHAEL E. *Lexikon nationalsozialistischer Dichter. Biographien, Analysen, Bibliographien*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1993. S. 194.

14 Во втором тираже «Немецкого духа», как иногда сообщают, была издательская пометка о скором выходе этой книги.

15 CURTIUS E.R. *Deutscher Geist in Gefahr*. S. 130.

Но, как показала практика, допущение катастрофы и реальное ее свершение критически между собой разнятся: говоря о новом варварстве, темных веках и озверении, Курциус все же готовил возрожденческую программу и, видя ее несопоставимость с реальностью, погружался в тяжелую, клиническую депрессию. Дважды за год ему пришлось проходить курсы лечения (сюда относится и личная встреча с Карлом Юнгом, о теориях которого Курциус неоднократно упоминал в очерках из «Немецкого духа»¹⁶), и уничтожение готовой книги «Elemente der Bildung»¹⁷ тоже представляется отголоском этого нервного срыва. Сам Курциус вспоминал об этом времени так:

«От мирного хода исследований меня оторвали пылающие беды нашего времени. Мой очерк “Немецкий дух в опасности” (1932) был направлен против предательства немецкого образования, против ненависти к культуре, против ее политико-социологических предпосылок. На этот возглас-предупреждение меня подвигло предчувствие позорной катастрофы, которая вскоре действительно обрушилась на Германию. С 1933-го по 1945 год немецкий дух жил в постоянной опасности, от года к году лишь возрастающей, и понес несказанные потери»¹⁸.

Последней каплей для Курциуса стала реформа высшего образования, начатая нацистами в апреле 1933 года, и все, что этой реформе сопутствовало: увольнение еврейской профессуры, введение личной клятвы верности Гитлеру, создание эксклюзивных студенческих сообществ для чистокровных немцев, чистка библиотек от нежелательной литературы и тому подобное¹⁹. В позднем (1952) очерке «Угасающий свет Эллады» есть такие слова:

- 16** Речь там заходит о сращивании натуралистического фрейдизма с идеями социализма: в этом Курциус также видит угрозу и один из симптомов культурного распада; в учении Юнга, добавляет Курциус, подобные перекосы давно преодолены. Впоследствии Курциус связывал топологическую теорию с юнгианской концепцией архетипов коллективного бессознательного. Впрочем, это делалось мимоходом и было похоже скорее на дань личным воспоминаниям, чем на системную конструкцию. Рассказывая в письме Жану де Меназу (1945) о своем срыве, о лечении в Цюрихе и о начале работы над устройством среднелатинского гуманизма, Курциус прямо говорит, что вышел из кризиса благодаря «поляризации на вечном Риме, сработавшем как архетип».
- 17** В 2017 году книга эта была чудесным образом восстановлена по разрозненным типографским оттискам: CURTIUS E. R. *Elemente der Bildung* / WIESKENBERG E. -P., RICHT B. (Hrsg.). München: C.H. Beck, 2017. В «Немецком духе» Курциус тоже несколько раз подчеркивает, что образование и даже сам гуманизм («встреча с собой») как синтетические явления могут быть пробуждены к новой жизни только и исключительно после анализа элементов культуры, ее наималейших составных частей. В этом уже прослеживаются теоретические основания, на которых будет воздвигнута топологическая медиовистика.
- 18** CURTIUS E. R. *Kritische Essays zur europäischen Literatur*. S. 440.
- 19** Вполне вероятно, кстати, что многие экземпляры «Немецкого духа в опасности» пострадали во время этих чисток. Во всяком случае нынешнюю редкость книги, отпечатанной в свое время трижды, сложно объяснить как-то иначе.

«Позорное предательство, самоотречение немецких университетов весной 1933 года открыло мне глаза: те позиции, на которых я пытался стоять, сданы всецело»²⁰.

ДМИТРИЙ КОЛЧИГИН
ИСТОРИЯ ДУХА КАК
ТЕХНИКА ВЫЖИВАНИЯ

Примечательно, что в 1932-м и даже в 1945-м Курциус, говоря о предательстве высшего образования, все еще имел в виду, что это оно оказывается предано: это его отторгают, им пренебрегают, оно нуждается в поддержке и даже спасении²¹. В 1952-м Курциус находит в себе не то силу, не то злобу и теперь уже обвиняет в предательстве сами университеты, саму образовательную систему. Впрочем, это не резкий поворот и даже не переосмысление пройденного, а вполне закономерный ход одной и той же последовательно разворачивающейся мысли. Ведь еще в 1918-м Курциус в небывалом кризисе гуманизма обвинял... гуманитарные гимназии: живую и светлую Античность они подменяют сухим и бездушным школярством; стыдясь телесного, они выхолащивают и духовное. Удивительным образом, как справедливо отметил Олег Воскобойников, Курциус – ветеран Первой мировой – в 1918 году даже не упоминает о роли войны в немецком культурном кризисе; в природе события он усматривает множество сторонних факторов (от экспрессионистской живописи до влияния с Востока) и практически всю ответственность за бедствия, нынешние и грядущие, возлагает на образовательную систему, и даже конкретнее – на гуманитарную школьную программу. В 1920-м Курциус все-таки признал, что новое поколение в значительной степени деформировано войной; в его тогдашней статье о Максе Вебере он говорит, что молодежь «вернулась с войны в каком-то особом, беспрецедентном состоянии духа, [...] ее преследуют туманные мечтания, ее одолевает ненависть к познанию, к доказуемым фактам»²². Курциус практически всю жизнь (от «Немецкого духа в опасности» до самых поздних заметок 1950-х) сокрушенно – тоже, по словам Карла Тённиссена²³, с каким-то мечтательным прекраснодушием – вспоминал молодежь предвоенной эпохи 1910–1914 годов. Например, третья глава «Немецкого духа в опасности» начинается так:

«Дискуссии об университетах, их сущности и их призвании [...] восходят ко временам расцвета немецких молодежных движений,

20 ИДЕМ. *Büchertagebuch*. Bern; München: Francke Verlag, 1960. S. 64, 65.

21 Кризису немецких университетов межвоенного периода целиком посвящена третья глава «Немецкого духа в опасности», которая открывается вопросом «А есть ли у нас вообще университеты?». На страницах 54–55 см. важнейшую выписку из Шелера. Один из подразделов этой главы – «Университет как идея и опыт» – незадолго до выхода самой книги публиковался как эссе в ежеквартальном журнале «Die Neue Rundschau».

22 ИДЕМ. *Max Weber über Wissenschaft als Beruf* // Die Arbeitsgemeinschaft. 1920. № 17. S. 200.

23 ТНÖNNISSEN K. *Ethos und Methode. Zur Bestimmung der Metaliteratur nach Ernst Robert Curtius*. Aachen: Aquamarine, 2001. S. 28.

то есть приблизительно к 1910 году. Именно тогда наша гуманистическая молодежь [...] взбунтовалась против закосневших академических идеалов. Молодежь искала осмысления вместо буквализма, полноты опыта вместо убогой рабочей этики; исполненная мусического одухотворения, она боролась против невежества и мещанства. Она была аполитичной и не враждовала ни с духовностью, ни с науками. [...] Эта молодежь не хотела ничего ломать, а хотела строить нечто прекрасное. [...] Это молодежь, которая истекла кровью при Лангемарке. Образ ее сегодня всячески искажен²⁴.

В 1932-м и даже в 1945-м Курциус, говоря о предательстве высшего образования, все еще имел в виду, что это оно оказывается предано: это его отторгают, им пренебрегают, оно нуждается в поддержке и даже спасении. В 1952-м Курциус обвиняет в предательстве сами университеты, саму образовательную систему.

Впоследствии Курциуса неоднократно критиковали за романтизацию немецкого солдата на фронтах Первой мировой. Гораздо важнее, впрочем, что в «Немецком духе» Курциус впервые пользуется термином «обрыв преемственности» (*Kontinuitätsbruch*), в полной мере прилагая его к Первой мировой войне. Да, несколькими страницами дальше он уже сглаживает формулировку и говорит, что Германию политизировала (то есть дегуманизировала) «не война, а скорее революция, иностранное вмешательство и кабальная долговая зависимость», но все это по существу есть не что иное, как длительные последствия войны. Собственно, в таком контексте длительным последствием оказывается, по Курциусу, и тот кризис, который в 1930-е воплотился под видом «ненависти к культуре». Само это понятие – *Kulturhaß* – встречается еще, например, у Гёльдерлина²⁵, но после «Немецкого духа в опасности» оно теснейшим образом связалось с критическими воззрениями Курциуса и сегодня в контексте истории идей встречается почти исключительно в окказиональном курциусианском смысле.

Распад гуманизма и воспитательной традиции, говорит Курциус, имеет две стороны: это, во-первых, безразличие к культуре со стороны буржуазного среднего класса (отчасти обусловленное общим филистерством, отчасти – экономическим злополучием), а во-вторых, – ненависть к культуре, то есть политически оформленный изоляционизм. Сам Курциус не дает

²⁴ CURTIUS E.R. *Deutscher Geist in Gefahr*. S. 51, 52.

²⁵ Эпиграфом ко всей книге «Немецкий дух в опасности» взяты между прочим строки из гёльдерлиновского гимна «Патмос»: «Но где есть Опасность, там и Спасительное зреет».

четкого определения этой ненависти, и, насколько мы можем судить, его исследователей вопрос дефиниций тоже не слишком заинтересовал. Но, если собрать все сказанное в «Немецком духе», можно описать явление следующим образом: если частное культурное явление устанавливает примат своей исключительности, начинает поглощать и подстраивать под себя все то общее, что на самом деле его превосходит, то это и есть культуроненавистничество, деструкция, варваризация. Ненависть к культуре воплощается «справа» как национализм, а «слева» – как социализм. (В Германии 1930-х две тенденции удивительным образом сливаются, образуя явление национал-социализма, очевидно воплощающее собой – экстраполируем мысль Курциуса, – квинтэссенцию ненависти к культуре.) Осмыслению этих альтернатив посвящены вторая и четвертая главы, озаглавленные соответственно «Нация или революция?»²⁶ и «Социология или революция?»²⁷.

Так, Курциус отмечает, что политический национализм в Германии 1930-х в диковинном слиянии правого и левого теряет даже свою охранительную функцию и превращается в чистый инструмент разрушения – впервые рождается нигилистический национальный миф с апелляцией к иррациональному:

«Любой национализм по природе своей оспаривает автономию духовной культуры. Национализм есть не что иное, как извращение миропорядка; суть в следующем: нация просто надстраивается превыше всего небесного и земного. Таков французский национализм, таков и итальянский. Но там не отрицается хотя бы *сама сфера* духовного. Она скорее встраивается внутрь системы. Интегрируется вся национальная традиция. [...] Наши же националисты [...] упрекают “Action française” в том, что те “слишком погрязли в духовном”. Новый немецкий национализм в чем-то подобном действительно не заподозришь. Он делает решительный шаг – и это шаг назад. “Духовное” уже не просто подчиняется национальному мифу – оно лишается самого права на существование. Вот действительно нечто новое: Германия – первая страна, в которой международный национализм объединенным фронтом выступил против духа (включая дух собственного народа) и против культуры (включая культуру собственной земли)»²⁸.

Немецкий дух, говорит Курциус, не может жить только и исключительно собой; новая антикультура, дегуманизирующая

26 В конце 1931 года первый вариант этой главы был опубликован в «Die Neue Rundschau» под названием «Национализм и культура». Тематически статья – и глава – отчасти построена на полемике с праворадикальным младоконсерватизмом, воплощенным в круге сторонников Ганса Церера и их печатном органе – журнале «Die Tat» (не путать с одноименной цюрихской либеральной газетой, где с начала 1950-х публиковался по просьбе Макса Рихнера и сам Курциус).

27 Эта глава восходит к спору Курциуса с Карлом Мангеймом и воспроизводит несколько более раннюю статью «Социология – и ее границы» (1929).

28 Идем. *Deutscher Geist in Gefahr*. S. 43.

по своей сути, отсекает его от животворящих источников с Запада и Юга, отделяет немецкое от всеевропейского и тем самым лишает вообще всего, в том числе и собственно немецкого, которое не мыслится без общих корней – античных, средневековых, возрожденческих, романтических. Более того: самоизоляция подталкивает Германию на Восток, то есть, по Курциусу, «к тому варварству, которое есть первая ступень большевизма»²⁹. Как только национализм порвал с европейской преемственностью, то и замкнувшийся немецкий дух, не имея выхода к тем культурным потокам, которые на протяжении истории наполняли его жизненной силой, вынужденно делает шаг в сторону от самого себя. Если гуманизм – Курциус следует здесь за формулировкой Эрнста Трельча – это «встреча современного духа с его собственной жизнью, спящей где-то в глубинах памяти и таящей культурные первоначала»³⁰, то националистическое самоотречение в «бездне» социализма неизбежно становится антигуманистическим и порождает деструктивную псевдокультуру, живущую – в поздних терминах – «злокачественной агрессией»³¹. Эпиграфом ко второй главе Курциус берет слова Вергилия «En quo discordia cives produxit miseros» – «Вот до чего довели раздоры наших несчастных сограждан»³².

Последнюю главу «Немецкого духа в опасности» – «Гуманизм как инициатива» – Курциус посвящает своей позитивной программе, от анализа, обличения и диагностики переходя к тому «Спасительному», на которое намекал еще эпиграф из Гёльдерлина. Впервые она была опубликована в газете «Berliner Tageblatt» за несколько недель до выхода книги³³; очень

29 Ibid. S. 50.

30 Ibid. S. 107.

31 Здесь нужно добавить, что в разделе о социализме Курциус выделяет две формы так называемой оппозиционной науки, которая, сражаясь с левым движением, пытается вытеснить и подменить собой собственно гуманистическую культуру: первая – это социологизм, представленный у Мангейма, вторая – психоанализ в его фрейдомарксистском изводе. В 1960-е социологию знания и психоанализ – как псевдорелигиозные явления – весьма схожим образом, хоть и на других предпосылках, раскритиковал Карл Поппер. Оба течения, мангеймовское и фрейдовское, подразумевают возвышение частных методов познания, инкорпорирующих гораздо более широкие явления культурной жизни. По Курциусу: «извращение миропорядка».

32 Строка из первой вергилиевской эклоги интересным образом разделяется на два эпиграфа: слова о варваре, завладевшем посевами, отнесены к левой угрозе (глава IV), а слова о внутренних раздорах, приносящих горе народу – к главе о национализме.

33 Еще чуть раньше в «Kölnische Zeitung» выходила ныне – возможно, навсегда – утерянная статья под названием «Bekentnis zum Humanismus». Предположительно она являла собой первый вариант того же «Гуманизма как инициативы»: во всяком случае сам оборот «исповедание гуманизма» Курциус в последующие годы несколько раз употребит как раз в связи с финальной частью «Немецкого духа в опасности»: «Ровно двадцать лет назад вышла моя небольшая книжка под заголовком “Немецкий дух в опасности”. [...] Она завершалась *исповеданием гуманизма*» (ИДЕМ. *Büchertagebuch*. S. 64) и так далее. Вообще многие ранние статьи Курциуса остро нуждаются в переиздании и на данный момент в значительной части остаются недоступны широкому читателю; такова, например, и упоминаемая далее статья «Кризис гуманизма» (1918), найти которую в оригинале можно лишь в архиве газеты «Norddeutsche allgemeine Zeitung» (ИДЕМ. *Die Krisis des Humanismus // Norddeutsche allgemeine Zeitung*. 1918. № 39). В 1988-м заметки Курциуса из газеты «Luxemburger Zeitung» 1922–1925 годов были изданы отдельной книгой под названием «Goethe, Thomas Mann und Italien». Существует, кроме того, обзорный труд Стефани Мюллер «Ernst Robert

быстро, в течение месяцев ее перевели на французский (переводчиком выступил Анри Журдан, в том же году издавший французскую версию курциусовского «Бальзака») и испанский (для своего журнала «Revista de Occidente» статью перевел Хосе Ортега-и-Гассет³⁴) языки. Статья эта по праву заслужила особое внимание и часто рассматривается отдельно, как самостоятельное произведение. Здесь – для общего ознакомления с «Немецким духом» – мы также приводим именно ее.

Вообще в год своего выхода книга Курциуса пользовалась широкой популярностью и оказалась даже своего рода бестселлером: во всяком случае «Deutsche Verlags-Anstalt» подряд выпустило три ее тиража, которые теперь иногда называют тремя изданиями. Последний, третий, вышел в 1933-м, уже после победы гитлеризма. Книга, по словам Макса Рихнера, «ударилась, словно камень по муравейнику»³⁵. И действительно: резонанс был столь заметным, что выходил даже за пределы Германии (большой интерес, в частности, проявили французы, давно следившие за творчеством Курциуса), а в нацистской «Völkischer Beobachter» книгу разносили уже 24 марта 1933 года, то есть буквально в первые недели новой власти. С чем же связан столь широкий и столь разнообразный отклик? Тема гуманизма в последние годы Веймарской республики поднималась сравнительно часто: можно вспомнить, например, новый гуманизм Гертруды Боймер, еще более новый гуманизм Вернера Марголь-

Curtius als journalistischer Autor» (2008), посвященный публицистике Курциуса с 1918-го по 1932 год. В остальном раннее наследие Курциуса по части малых форм ждет новой жизни. Что касается статей из «Luxemburger Zeitung», то среди них нам в данном случае особенно интересна «К психологии немецкого духа» (1922) (ИДЕМ. *Goethe, Thomas Mann und Italien: Beiträge in der «Luxemburger Zeitung», 1922–1925*. Bonn: Bouvier, 1988. S. 20–27). В послевоенный период, говорит Курциус, вся Европа склонилась перед идолом психологии и каждый народ старался познать и понять себя самого. Для Германии это обернулось плачевными последствиями: попытки привести немецкий дух к системе и единообразию пошли вразрез с исторической разнородностью немецких земель; искусственно надстроенная «национальная психология» ударила по народному характеру как таковому. Германии извне привит психологический идеал целовека («в немецком языке даже нет аналогов таким понятиям, как *gentlemen, honnête homme* или *citoyen*» (Ibid. S. 23)), в то время как вся культурная традиция подсказывает иное: народный дух высказывался устами выдающихся гуманистов и идеалистов. Все то, что на первый взгляд кажется в немецком духе непостижимым, объясняется в действительности его космополитическим, универсальным характером. «Немецкий дух нельзя ограничивать нацией и национальностью» (Ibid. S. 24), его уникальный синтетизм как раз и заключается в способности гармонизировать высшие достижения всех европейских народов. В статье-диалоге с Андре Жидом «Français et Allemands peuvent-ils se comprendre?» (1922) Курциус опять же возвращается к теме «непостижимости» немецкого духа самого по себе и призывает рассматривать романо-германскую взаимосвязь в ее целостности. В 1924 году, на первых подступах к новому рационализму, Курциус формулирует схожую мысль, но теперь уже фокусирует ее на том, что *Nicht-Fassbarkeit* становится для немецкого духа пагубой: «Говорят, что немецкий дух так глубок, что мы сами не можем выразить его суть. На это можно ответить: чему нет выражения, того и не существует. [...] Свое чувство германского нам следует как можно скорее перевести на язык разума; только так досознательный потенциал станет кинетической энергией будущего развития» (ИДЕМ. *Kritische Essays zur europäischen Literatur*. S. 258).

34 Курциус посвятил взглядам Ортега-и-Гассета два крупных эссе (1924; 1949), причем во втором особо отмечал его исторически перспективные идеи о послевоенной реставрации. Журнал «Revista de Occidente» Курциус ценил исключительно высоко и считал одним из лучших интеллектуальных изданий панъевропейского направления.

35 RYCHNER M. *Deutscher Geist in Gefahr // Kölnische Zeitung*. 1932. № 129.

ца и Ганса Рёзелера³⁶, «Третий гуманизм» Вернера Йегера³⁷. Понимание надвигающейся катастрофы в 1930-е тоже становилось едва ли не повсеместным: тот же Рихнер говорит, что эту мысль повторяли так часто – слишком часто, – что она сделалась общим местом и угасание духовных сил стало восприниматься как неизбежное и даже необходимое зло. Курциус также отмечает в диагностическом духе, что нация без меры «увлеклась темными пророчествами». Впрочем, в отличие от своих предшественников, со временем он выработал собственную, достаточно оригинальную гуманистическую программу: возрожденческий гуманизм из времен культурного расцвета неприменим, методически бесполезен для времен культурного упадка; «новое Средневековье» может найти спасение только и исключительно в Средневековье как таковом. В своей первой послевоенной публикации Курциус писал:

«Лекарством в 1932 году мне представлялся новый гуманизм, в котором было бы мало общего с гуманизмом XIX века. Если, – писал я, – перед нами и вправду лежат темные века, а затем – светлое Возрождение, то сегодняшний гуманизм должен полагаться не на Античность и не на Ренессанс, а только на Средневековье. Новый гуманизм – это не классицизм, а медиэвализм с идеями реставрации. Я ссылаясь на просвещенных основателей сегодняшнего Запада, от Августина до Данте. В 1932-м и 1933 годах я сделал из этого практический вывод и принялся читать лекции о среднелатинской литературе»³⁸.

Таким образом, «Немецкий дух в опасности» оказывается в теоретическом плане едва ли не ключевым сочинением Курциуса: именно в этой книге наш автор обосновывает свою медиэвалистическую концепцию, которую будет верно и после-

36 В 1922 году Курциус рецензировал их книгу (CURTIUS E. R. *Neuer Humanismus? // Arbeitsgemeinschaft*. 1922. S. 193–199). Новый гуманизм ни в коем случае, говорит он, не должен складываться как «воспитание на политике, педагогике, физических упражнениях и обломках научного знания», вместо этого Германии срочно требуется «строгая интеллектуальная дисциплина и повсеместное приложение разума». Здесь можно зафиксировать один из важнейших фактов: реставрационный гуманизм Курциуса при всем своем тяготении к духовному (см. о его связях с религиозностью в «Гуманизме как инициативе») отличается выраженным рационализмом (ср. в «Кризисе гуманизма» с рассуждением о том, как «тяга ко всякого рода религиозности» препятствует интеллектуальному и эстетическому началам), что вообще следует считать определяющей чертой «нового медиэвализма». В этом плане он противостоит всему культуроненавистничеству как царству иррационального, антиинтеллектуального начала. В первом предисловии к «Европейской литературе и латинскому Средневековью» Курциус манифестирует этот рационализм как главное средство исторического очищения: «После Первой мировой войны к “новой науке” многократно пытались подступить от “чутья”, “интуиции” и прочих форм внутреннего озарения; традиционному “позитивизму” дали бой. [...] По большей части эти попытки были просто искажением истории, а их последствия открываются нам только теперь, ибо они открыли дорогу для уже откровенных фальсификаций в глобальном масштабе – зловещих фальсификаций, запущенных с 1933 года. Тогда учили: “Не бывает объективной науки”. Науку связали с расой, с нацией, с политикой. Эту ложь пора остановить» (ИДЕМ. *Kritische Essays zur europäischen Literatur*. S. 442).

37 Об отношении Курциуса к Йегеру см.: ИДЕМ. *Büchertagebuch*. S. 36–40. Статья «Угасающий свет Эллады» построена как реакция на программную речь Бруно Снелля, известного критика «Пайдейи».

38 ИДЕМ. *Kritische Essays zur europäischen Literatur*. S. 440.

довательно разрабатывать несколько десятилетий, фактически приняв на себя новую профессиональную функцию (о том, как в филологии важно умение перестраиваться на новые области, см. в XVIII экскурсе из «Европейской литературы»). Предисловие к «Немецкому духу» (датированное 18 января 1932 года) открывается таким утверждением:

«Зима 1931–1932 годов – важнейший период со времен мировой войны. В Германии каждый чувствует, что новый 1932 год, в который мы заступаем в эти дни, будет во многом решающим. Тринадцать послевоенных лет, оставшихся позади, сегодня представляются уже каким-то промежуточным, подготовительным этапом»³⁹.

И действительно, 1932 год стал поворотным как в истории Европы, так и в жизни самого Курциуса. Все главнейшие его идеи, разработанные впоследствии, так или иначе предвосхищены в «Немецком духе» и именно там впервые проявлены в системном виде. Так, тема гуманизма связалась с именем Курциуса практически неотделимо: Артур Эванс, допустим, включает Курциуса в каноническую четверку гуманистов конца XIX – начала XX века вместе с Гюффманнсталем, Гундольфом и Канторовичем⁴⁰; Дирк Хёгес подчеркивает «эмфатический гуманизм» Курциуса⁴¹; даже библиографический справочник о критических публикациях вокруг работ Курциуса озаглавлен как «Модернизм, медиэвализм и гуманизм»⁴². Существуют, кроме того, несколько развернутых работ о реставрационном проекте, предложенном Курциусом в качестве нового гуманизма⁴³.

Если частное культурное явление устанавливает
примат своей исключительности, начинает поглощать
и подстраивать под себя все то общее, что на самом
деле его превосходит, то это и есть культуро-
ненавистничество, деструкция, варваризация.

Мы, впрочем, предлагаем взглянуть здесь на эту идею в становлении – от ее начал 1918 года, со взлетом в 1932-м и па-

39 IDEM. *Deutscher Geist in Gefahr*. S. 9.

40 EVANS A.R. JR. (Ed.). *On Four Modern Humanists: Hofmannsthal, Gundolph, Curtius, Kantorowicz*. Princeton: Princeton University Press, 1970.

41 HÖGES D. *Emphatischer Humanismus. Ernst Robert Curtius, Ernst Troeltsch und Karl Mannheim: von "Deutscher Geist in Gefahr" zu "Europäischen Literatur und lateinisches Mittelalter" // "In Ihnen begegnet sich das Abendland"*. Bonner Vorträge zur Erinnerung an Ernst Robert Curtius. Bonn: Bouvier, 1990. S. 31–52.

42 RICHARDS E.J. *Modernism, Medievalism and Humanism. A Research Bibliography on the Reception of the Works of Ernst Robert Curtius*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1983.

43 См.: TÖPFER F. *Selbstbegegnung in der Geschichte: Zum Begriff des Humanismus bei Ernst Robert Curtius // Archiv für Begriffsgeschichte*. 2010. № 54. S. 91–117.

дением в 1954-м. Статьи «Кризис гуманизма»⁴⁴ (1918) и «Уга-сающий свет Эллады»⁴⁵ (1952) редко попадают в поле зрения исследователей, но в подобном контексте, как представляется, гораздо рельефнее проступают и все программные заявления из «Гуманизма как инициативы». Так, например, в самом начале «Кризиса гуманизма» Курциус говорит о падении гуманистической традиции в Германии – в своем «предметном» стиле, очень наглядно, путем сравнения узкоспециальных немецких изданий с широко доступными британскими:

«Кто берет у нас в руки книгу Вергилия или Феокрита, просто чтобы отдохнуть и порадоваться? Таких немного, и это явное исключение: люди, для которых нечто подобное и вправду делается живой потребностью. [...] Нам нечего, просто нечего сопоставить с малоформатным Вергилием на тонкой бумаге, в синем кожаном переплете от оксфордского “Clarendon Press”, или с “Oxford Book of Latin Verse” из той же серии, или с переплетенной в зеленую кожу подборкой из греческой антологии, которую Дж.У. Маккейл подготовил к изданию в “Longmans, Green & Co.”. И это всего лишь тройка случайных примеров»⁴⁶.

В октябре 1951 года Курциус выступал на британском радио со своего рода популярной лекцией о Рудольфе Борхардте и Вергилии⁴⁷; свой рассказ он начинает с воспоминаний, которые неожиданно напрямую связываются с приведенным выше фрагментом и показывают, что примеры Курциус приводил совсем не случайные, а очень личные:

«Любовь к Вергилию привил мне мой оксфордский друг, а было это уже почти полвека назад. Этот мой друг приехал в Германию, чтобы изучать критическую библеистику по первоисточникам. В трамвае он обычно читал Вергилия по изданию “Clarendon Press” на тонкой бумаге. [...] Однажды мы ехали вместе, и я попросил эту книгу. По школе я, конечно, знал “Энеиду”, но особого значения ей не придавал. Теперь же я открыл “Буколики” и наткнулся в них на строку, которая наполнила меня каким-то ранее неизведанным счастьем. [...] Еще один [...] мой английский знакомец, с тех пор

44 Ср. с более поздней (1922) статьей Вячеслава Иванова «Кручи – о кризисе гуманизма». Иванов цитирует эту свою работу в переписке с Курциусом (письмо от 27/28 февраля 1932 года).

45 Под таким названием статья выходила при первой публикации во франкфуртской газете «Neue Zeitung» от 27 февраля 1952 года. 1 марта того же года статья вышла повторно в цюрихской газете «Die Tat» под заголовком «Античность и гуманизм». В 1960 году, уже после смерти Курциуса, весь цикл статей и заметок из «Die Tat» вышел под редакцией Макса Рихнера в виде отдельной книги «Büchertagebuch» (сам газетный цикл назывался схожим образом: «Из моего книжного дневника»), в который искомая статья вошла как глава 14, без названия. Здесь мы сохраняем первый вариант заголовка: именно он, как представляется, лучше всего отражает упадочное настроение статьи.

46 CURTIUS E. R. *Die Krisis des Humanismus*.

47 В 1952 году этот текст был опубликован в «Neue Schweizer Rundschau» как «Virgil und die deutsche Tradition», а в 1954-м вошел в составе сборника «Kritische Essays zur europäischen Literatur» под названием «Rudolf Borchardt über Virgil».

сделавшийся епископом, ознакомил меня с Феоокритом. В последующие годы “Oxford Book of Latin Verse” сопровождала меня повсюду»⁴⁸.

ДМИТРИЙ КОЛЧИГИН
ИСТОРИЯ ДУХА КАК
ТЕХНИКА ВЫЖИВАНИЯ

В «Гуманизме как инициативе» внимание на таких примерах еще заостряется: античная поэзия, и вергилиевская в первую очередь – Курциус приводит фрагменты из воспоминаний Эдмунда Госса и Филипа Робертсона⁴⁹, – содержит в себе особую силу, способную пробуждать в читателе чувство всеобщей сопричастности, даровать ему «пресуществляющий опыт» прекрасного (есть фрагменты об этом и в «Европейской литературе»). Отсюда следует важнейшее заключение: гуманизм может жить и развиваться только через энтузиазм тех немногих, кто причастился к «античному чуду»: те, кому классическую традицию просто «преподали» – и даже профессиональные классические филологи, занятые дисциплинарными вопросами, – все они из этого круга выпадают.

«Небольшое событие, о котором я поведал, – это образцовый пример того, как традиция передается. Из рук старшего друга я принял книгу. Я прочитал ее, потому что хотел приобщиться к его миру. Традиция живет только посредничеством – через людей, на которых мы хотим быть похожи»⁵⁰.

В «Гуманизме как инициативе» Курциус говорит: «Идея... пробуждается к новой жизни лишь в том случае, если ее рассматривают в полном и чистом виде, если ее в этом виде любят». Это едва ли не ключевая мысль, которая для Курциуса сохраняла свое значение во все его дни – от первых глав книги о Барресе до «Книжного дневника». В поздние годы, оставив уже все идеологические обобщения, Курциус связывал ее даже не с гуманизмом как таковым, а с наследованием письменной традиции в ее конкретных проявлениях. Особенно в этом смысле характерен очерк «Дантолюбые и дантоведы», входящий в цикл «Новых исследований о Данте» (1947). Критическое отношение Курциуса к тогдашнему дантоведению достаточно широко известно: едва ли о ком-то на этом поприще, кроме Микеле Барби, он писал без раздражения и сардонических замечаний. Можно взглянуть для примера на такой пассаж, где еще и обыгрывается название американского шлягера 1920-х:

48 ИДЕМ. *Kritische Essays zur europäischen Literatur*. S. 23.

49 Последнего Курциус называет англичанином; на самом деле он был новозеландцем. С юных лет Курциус восхищался Англией и тем конкретно, как там сохраняются главнейшие черты гуманистической традиции. Сам он говорит, что воспринимал Англию как новую Аркадию, как особый уголок современного мира, «где гуманизм – это не филологическая специализация, а живая реальность» (Ibid.).

50 Ibid. S. 23, 24.

«Юбилей 1921 года был ознаменован потоком откровений на тему “Данте и...”. К примеру: “Данте и война”, “...и демократия”, “...и женщины”, “...и священники”, “...и мы, простые трудяги”. В Гамбурге написали о “Данте и рыбе” (см. «Hamburger Nachrichten» от 12 сентября 1921 года). *We have no bananas – but we have fish!* Исследован и другой важнейший вопрос: “Стоит ли жителям Восточной Марки праздновать юбилей Данте?”. Куда же без политики! Ответы с юга от 1923 года: “Данте и Муссолини”, “Interpretazione fascista della Divina Commedia” [“Фашистское истолкование «Божественной комедии»”], “Армия и флот у Данте”. Действительно, “Dante the central man of all the world” [“Данте в центре всего мира”], как в 1920 году озаглавил свою диссертацию один американец. Ну просто Колумб в обратную сторону! В море уже вышел, но каравеллы его пока в родную гавань не возвращаются⁵¹.

Весьма интересно, что именно Курциус противопоставлял официальной филологической науке с ее, как сказано в «Немецком духе», «университетской пылью». Необычно и в то же время последовательно – в полном соответствии с общим концептуальным замыслом – Курциус провозглашает, что традиция, уничтожаемая профессионалами, живет только любовью отдельных людей, отмеченных, так сказать, высокой блажью и даже некоторым чудачеством:

«Читатели Данте бывают разные. Выше я ставлю тех, для кого постоянное чтение “Божественной комедии” становится неотъемлемой частью самой жизни. Узнаешь о таких людях по воле случая. Статья Макса Рихнера “Данте в наше время” (см. “Neue Zürcher Zeitung” от 27 мая 1934 года) получила отклик в виде нескольких писем, с которыми мне довелось ознакомиться. Одно – от высокоуважаемого немецкого математика. На Рождество 1914 года он принялся учить “Божественную комедию” наизусть, “чтобы отвлечься от тягостной современности”. На “Ад” ушло три года, на “Чистилище” – двенадцать лет. В 1934 году до конца был доведен и “Рай”. Еще в 1943 году этот человек писал мне, что он ежедневно декламирует по три песни. В жизни ему довелось повстречать только двух человек, которые по достоинству оценили это предприятие и не усмотрели здесь “чудачество” от специалиста, “в остальном вполне достойного”. Второе письмо – от 29-летнего швейцарца. Он пишет: “С двадцати лет я перечитываю “Божественную комедию” каждый год или два и ищу в этом исцеления от наших больных времен. Я занимаюсь торговым предпринимательством, жил в Париже, Лондоне, Берлине и Милане; годами я был связан с железнодорожной промышленностью; мне приходилось иметь дело с ценами на шерсть, с текстильным кризисом, с распределением инвестиций. Я катаюсь на байдарках, на лыжах и автомобилях и постоянно нахожусь в предпринимательской среде. Но время от

51 ИДЕМ. *Gesammelte Aufsätze zur romanischen Philologie*. Bern; München: Francke, 1960. S. 307.

времени мне просто необходимо на мгновение вырваться из этого перевернутого мира и найти отдохновение вместе с Данте, с Гёте; иногда и с Вергилием". Таких читателей, конечно, немного, но они есть и всегда будут. У них есть жизненная связь с творением Данте – связь, неподвластная никаким "течениям времени". Отрадно знать, что дантолюбцы живут среди нас. Этим людям коснулась поэзия с ее *gratia illuminans* (в старинных комментариях утверждали, что Данте воплотил эту идею в образе Лючии). Они читают Данте не по требованию, не для науки: для них его поэма – это духовная пища (*or ciba per te stesso*); стоит только ее вкусить, как она делается уже незаменимой. [...] Есть (или был?) и еще один род дантолюбцев. В одной газете мне встречался рассказ Джино Казерты о земледельце по имени Джакомо Феррари из провинции Реджо Эмилия. С юных лет тот совмещал свой труд с усердным изучением Данте; 7000 строк из "Божественной комедии" Феррари знал наизусть. С годами его одолевали болезни, так что сельское хозяйство пришлось оставить; тогда он купил деревянную панель и вырезал на ней 54 мотива, 150 фигур и бесчисленное количество стихов из "Божественной комедии". С этой панелью он ездил по всей Италии и на открытых площадках давал свои комментарии о путешествиях Данте в загробном мире. Это еще одна форма дантовского культа, которая тоже заслуживает признания и уважения»⁵².

Сохранилось такое устное высказывание Курциуса – из послевоенной лекции, – которое наилучшим образом суммирует сказанное:

«Гуманизм живет там, где греческих и латинских авторов читают в оригинале ради чистого удовольствия. Все остальное – глупость! болтовня! педагогика!»⁵³

Ядром гуманизма, другими словами, является искренняя любовь к *humanitas* как к «литературе» – в первую очередь, конечно, имеется в виду литература античная, но в целом явление можно понимать и шире, включая в него всех авторов классического канона (ср. с тем, как в «Кризисе гуманизма» Курциус призывает заметно расширить понятие о Возрождении). За неделю до смерти Курциуса, 12 апреля 1956 года, в газете «Die Zeit» выходила по студенческим конспектам «Curtiusiana» – подборка его афористических высказываний и разного рода определяющих формул, прозвучавших в 1945–1948 годах на лекциях в Боннском университете. Есть там весьма характерное высказывание: понятие «гуманизм», говорит Курциус, страдает от «рокового созвучия» со словом «гуманность»; на самом деле ничего общего у этих концепций нет, и одно отличается от другого решительно всем, кроме случайного сходства в названии.

52 Ibid. S. 305, 306.

53 *Curtiusiana* // Die Zeit. 1956. № 15.

ях («wie Gustav von Gasthof»)⁵⁴. Примечательна в этом смысле сравнительно ранняя (1925) статья Курциуса о творческом характере Мигеля де Унамуно; следующий пассаж хорошо показывает, что гуманизм и так называемое человеколюбие нельзя соединять в одно понятие:

«[По Унамуно] предметом мышления должен быть не мир идей, а только и исключительно человек, причем человек “из плоти и крови”: конкретный индивид. Не человек как идея и идеал, не человек как его – пусть даже со своими ограничениями – понимали гуманисты, а только “ближний” во всей его действительности, во всей случайности, с его величием и ничтожеством. В этом подходе можно найти точки соприкосновения с натурализмом из испанской живописи. Это, если можно так сказать, гоминизм, а не гуманизм»⁵⁵.

Унамуно, добавляет Курциус, отказывается, понимая эту разницу, от термина *humanismo* и пользуется вместо него португальским словом *hombridad*. В другом месте Курциус утверждает, что путаница восходит к Вульгате, где латинским *humanitas* переведено греческое *φιλανθρωπία*, в то время как у классических римских авторов *humanitas* – это просто «литература». Все это вписывается в концепцию избранного меньшинства, которой Курциус неизменно придерживался всю свою жизнь (см. у Сергея Козлова о Курциусе как об «атипичном мандарине»⁵⁶): гуманизм не всечеловеческая идеология, не протохристианское учение о единстве человечества – это чисто европейское явление аристократии духа. Последним понастоящему выдающимся носителем гуманистической традиции Курциус во все годы называл Гёте, и его строчку – «Geselle dich zur kleinsten Schar»⁵⁷ – можно считать девизом всего

54 О самом слове «гуманист» см. в рецензионной статье «Новые работы об итальянском гуманизме» (ИДЕМ. *Gesammelte Aufsätze zur romanischen Philologie*. S. 465, 466): изначально это термин «из области трудовых отношений» – наемный учитель литературы; понятие расширяется с середины XVI века. Историческую сущность в гуманизме усмотрели только в XIX веке; «а изучение “сущностей” всегда ведет в туман и погибель», – добавлено в «Курциусиане». Одним из главных врагов подлинного гуманизма – наравне с политической варваризацией и падением культурного уровня – Курциус считал философию с ее агрессивным противостоянием всему поэтическому.

55 ИДЕМ. *Kritische Essays zur europäischen Literatur*. S. 214.

56 Козлов С.Л. *Эрнст Роберт Курциус и его opus magnum* / Курциус Э.Р. *Европейская литература и латинское Средневековье*. М.: Яск, 2020. Т. 1. С. 43–48.

57 Можно проследить даже параллель этих строк с фрагментом из «Der Teppich des Lebens» Стефана Георге: «Eine kleine schar zieht stille bahnen [...] / und als losung steht auf ihren fahnen: / Hellas ewig unsre liebe». Курциус очень любил это стихотворение и цитировал его многократно, причем именно в связи с гуманистическим учением: так, в «Кризисе гуманизма» цитируется последняя строка о вечной любви к Элладе, а вся строфа в: CURTIUS E.R. *Gesammelte Aufsätze zur romanischen Philologie*. S. 456. Георге вообще незримо присутствует во всех статьях, приведенных в настоящей публикации: даже если Курциус не цитирует его прямо, то так или иначе отсылает к идеям георгианского круга. Георге, говорит Курциус в «Угасающем свете Эллады» – последний немецкий поэт, «искавший в Греции человеческое совершенство». В «Европейской литературе и латинском Средневековье» Курциус специально подчеркивает общее (рейно-франконское) происхождение Гёте и Георге. В «Разговорах со Стефаном Георге» (1950) он сознательно примеряет на себя роль Эккермана.

этого движения. Между прочим для понимания гуманизма в курциусовском смысле – как «аристократического индивидуализма» – важной представляется статья «Гёте – основы его мировоззрения» (1949). Курциус заостряет внимание на постоянном возвращении таких понятий, как «прекраснейшие сердца эпохи», «лучшие люди времени», «сопряжение жизни с выдающимися единомышленниками», на противостоянии индивидов, или «аристов», «толпе».

«[У Гёте] речь не идет о том гуманизме, которому не чуждо “ничто человеческое”. Гёте очерчивает гораздо более узкий круг. Он ищет союза только с “лучшими”; единомыслие с “благородными душами” – вот единственное достойное призвание»⁵⁸.

Иногда Курциус как будто колебался и пытался как-то завуалировать свою веру в избранное меньшинство: в первой главе «Немецкого духа в опасности» он допускает, что «культурный мир Гёте что-то может дать и немецкому рабочему», сразу, правда, к этому добавляя: «сама, однако же, форма, в какой этот мир выражен, для рабочего не годится». В 1945 году Курциус завершил свою первую публикацию в гейдельбергской послевоенной газете «Die Wandlung» такими словами:

«Сегодня я вынужден согласиться со словами Вальтера Ратенау⁵⁹: “Преподаватели так ничего и не смогли придумать для воспитания и облагораживания низших классов, кроме все тех же дедовских инструментов – картины, театр, музыка, литература, гуманитарные науки. Увы, для интеллигентного пролетария все эти вещи значения не имеют. Автомобиль ему важнее, чем Парфенон, а лодочная прогулка интереснее, чем «Орлеанская дева»”⁶⁰.

В очередной раз подчеркивается непригодность «воспитательного» гуманизма, отвергнутого Курциусом еще в 1918 году. Стоит добавить, что в 1950-м Курциус воспроизвел свою статью из «Die Wandlung» в качестве приложения к сборнику «Критических эссе»; текст повторяется без изменений, за одним – очень примечательным! – исключением: фрагмент с цитатой из Ратенау оказывается опущен. Говоря о сомнениях и колебаниях Курциуса, нельзя не упомянуть и одной из последних его статей – «Угасающий свет Эллады».

Статья эта во многом удивительна, и исследователя она в какой-то степени ставит в тупик; в современных публика-

58 ИДЕМ. *Kritische Essays zur europäischen Literatur*. S. 75.

59 Характерно, что свои общественно-политические взгляды Курциус здесь опять же выражает через цитату: очевидно, это наследие подцензурных времен и многолетнего эзопова языка. Вальтер Ратенау – министр иностранных дел Веймарской республики, в 1922 году убитый праворадикальными террористами. Стоит полагать, что источник для подходящей цитаты выбран Курциусом не случайно.

60 ИДЕМ. *Vorwort zu einem Buche über das lateinische Mittelalter und die europäischen Literaturen // Die Wandlung*. 1945. № 10/11.

циях о гуманизме Курциуса эту его работу упоминают довольно редко и в целом стараются вниманием обходить. Дело в том, что в 1952 году Курциус написал по существу отречение от былых идеалов: он ставит на гуманизме крест и призывает искать какие-то другие формы духовного выхода. Современный гуманизм – говорит Курциус – это изуродованная символическая форма, которая ни в чем уже не сходится с гуманизмом в классическом понимании; гуманизм второй половины XX века сравнивается в статье с «народной демократией», которая точно так же извратила демократию как таковую: речь, разумеется, идет о режимах в Северной Корее (с 1948 года) и в социалистической Германии (с 1949-го). Будучи идейным европоцентристом, Курциус довольно остро воспринял разделение Кореи – очевидно, прозревая здесь контуры будущего для Германии, – и в целом после Второй мировой войны продолжал жить с ощущением нескончаемой политической катастрофы, вечной угрозы для все истончающегося духа. Советский Союз он всегда воспринимал как Азию, как чистый Восток, а большевизм находил, как уже говорилось, подвидом культурного упадка. В «Немецком духе» он ужасается: «В современной России политика ненависти к культуре приобрела монументальные формы»⁶¹. Но даже в подобных условиях из Москвы возвышаются голоса таких людей, как Вячеслав Иванов – выдающихся знатоков западной традиции и защитников современного гуманизма. «В современной Германии довольно широкие круги принимают позицию Гершензона и не соглашаются с Ивановым. Но если апология гуманизма еще возможна в большевистской России, то и в Германии она должна быть мыслима»⁶², – с таким оптимистическим посылом Курциус выступал в 1932 году, однако в 1952-м все это было уже не слишком актуально.

Переменялось со временем и отношение Курциуса к Соединенным Штатам. В «Немецком духе» он с некоторым высокомерием отмечает, что американская культура относится к европейской «как приложение», но при этом высоко оценивает начинания США в области гуманистической медиевистики. В «Европейской литературе и латинском Средневековье» он опять же приводит США в пример (с их возвратом к преподаванию свободных искусств), называя при этом сам подход «несколько наивным». В 1949–1950 годах Курциус принимал участие в международной конференции по случаю двухсотлетия Гёте; проводилась она в американском Аспене, штат Колорадо. Там на английском языке он произнес программную речь под названием «Средневековые основания западного мышле-

61 ИДЕМ. *Deutscher Geist in Gefahr*. S. 21.

62 Ibid. S. 119.

ния»⁶³, в которой прослеживает специфическую традицию американской медиевистики:

«Когда Америка осознала себя, она потянулась к культурному наследию Европы. [...] Американский дух мог возвести свои первоначала к пуританству или к Уильяму Пенну, но не было у него чего-то, что предшествовало: не было Средневековья. Положение человека, никогда не знавшего своей матери. Американское завоевание Средних веков таит в себе какое-то романтическое очарование, какое-то глубокое переживание: так, собственно, чувствовал бы себя человек, отправляясь на поиски своей потерянной матери»⁶⁴.

Гёте, говорит Курциус, отдавал дань уважения Калидасе и Хафизу и в целом завещал будущим поколениям расширять границы европейской традиции: «Я убежден, что важнейшую роль здесь сыграет Америка». Схожую мысль Курциус высказывает и в «Угасающем свете Эллады», но только теперь тональность меняется – и меняется очень резко:

«Мы живем в эпоху обмена, взаимозамены культур, европейской и американской; в ближайшем будущем евроамериканскому конгломерату вообще предстоит встреча с великими культурами Азии. [...] Соединенным Штатам предстоит сыграть здесь очень важную роль. [...] Нам тоже пора выходить за пределы узкого европеизма, что ощутили уже и сторонники гуманистических идеалов»⁶⁵.

Курциус всегда, во все годы интересовался американской культурой и старался ознакомить с ней немецкого читателя: он писал об Эмерсоне и Уитмене, переводил на немецкий язык совсем молодого тогда Уильяма Гойена; после европейской трагедии XX века он возлагал на Соединенные Штаты большие надежды и полагал, что их миссия – пронести европейские ценности через это сложное время. Но с начала 1950-х к этому примешивается и некоторое опасение: ослабленная Европа, разделенная Германия, зажата между молотом и наковальней, а не отступают ли они перед Америкой окончательно?⁶⁶ Что делать, когда европейская культура неизбежно

63 Текст, по итогам конференции был опубликован в сборнике «Goethe and the Modern Age» (1950). В 1953 году появился английский перевод «Европейской литературы и латинского Средневековья», и аспенская лекция, в виду ее особого значения, была добавлена к книге в качестве приложения. В 1960 году та же статья была воспроизведена в «Gesammelte Aufsätze zur Romanischen Philologie».

64 ИДЕМ. *Gesammelte Aufsätze zur romanischen Philologie*. S. 28.

65 ИДЕМ. *Büchertagebuch*. S. 66.

66 В своей рецензии на книгу американского филолога Гилберта Хайета, написанной в 1951 году, Курциус специально останавливается на нескольких примерах, демонстрирующих, как он полагал, пренебрежение ко всему немецкому: «Такие книги, как у Батлера [The Tyranny of Greece over Germany, 1935] и Хайета [The Classical Tradition, 1949], суть симптомы: с 1933 года в определенных англосаксонских кругах пошла тенденция на дискредитацию немецкой культуры» (Ibid. S. 460).

будет перетолкована в атлантическом духе? «Приложение» становится вдруг господствующей культурой. Первое издание «Критических эссе по европейской литературе» (1950) Курциус открывает радостной вестью: в Страсбурге начались переговоры о создании Европейского союза; процесс этот, как мы теперь знаем, занял десятки лет, и Курциус, тяжело болевший с 1952 года⁶⁷, уже скорее всего понимал, что ему не доведется увидеть единой Европы своей мечты.

Ядром гуманизма является искренняя любовь к *humanitas* как к «литературе». Понятие «гуманизм» страдает от «рокового созвучия» со словом «гуманность»; на самом деле ничего общего у этих концепций нет, и одно отличается от другого решительно всем, кроме случайного сходства в названиях.

Как же рассматривать «Угасающий свет Эллады» – со словами «все, гуманизму конец» – в общем составе курциусианских сочинений? Франк-Рутгер Хаусман предполагал в 2013 году, что Курциус хоронит здесь только классический гуманизм, и в этом смысле его вера в европейскую культуру как таковую остается незыблемой: «Гуманизм не тождествен западноевропейской традиции и представляет собой искусственную конструкцию эпохи Кватроченто, оформленную классической филологией XVII и начала XIX века»⁶⁸. Впрочем, это предположение кажется маловероятным, поскольку Курциус, как можно убедиться и по представленной здесь работе, многократно подчеркивал постоянное обновление гуманистической традиции и даже сам основывал новую ее ветвь. Более того, в одной рецензии 1948 года он прямо говорит:

«Гуманизм XIX и XX веков – как он воплотился у Якоба Буркхардта, Уолтера Патера, Пьера де Нольяка, Ирвинга Бэббита, Вячеслава Иванова⁶⁹ – это комплексное явление, которое требует отдельного разбора. С итальянским гуманизмом эпохи Кватроченто он не имеет практически ничего общего. Это скорее форма протеста против современного мира»⁷⁰.

67 Тотальный пессимизм «Угасающего света Эллады» можно, наверное, увязать с ухудшающимся здоровьем самого Курциуса: через несколько месяцев ему диагностируют печеночную недостаточность, с которой он проживет еще три с половиной года.

68 HAUSMANN F.-R. *Ernst Robert Curtius und die Roma aeterna* // Italienisch. 2013. № 70. S. 33.

69 Кстати, Иванов в своей немецкой статье «Гуманизм и религия» (1933) одним из первых оценил предложенную Курциусом программу нового гуманизма: IWANOW W. *Humanismus und Religion. Zum religionsgeschichtlichen Nachlaß von Wilamowitz* / Hochland. 1933. Vol. 31. № 10. S. 312, 330.

70 CURTIUS E.R. *Gesammelte Aufsätze zur romanischen Philologie*. S. 473.

В самом «Угасающем свете Эллады» есть такие слова: «Есть, может быть, горстка разобщенных ценителей, которые сохраняют гуманизму верность, но на элиты он уже никак не влияет»⁷¹. Очевидно, что речь здесь идет о современном гуманизме, и вряд ли в 1952 году кто-то сохранял верность возрожденческим теориям XV века. Несостоятельным явно провозглашается *новый* гуманизм. Есть в этом одно удивительное противоречие: гуманизм, по позднему Курциусу, отмирает вместе со «светом Эллады», то есть с угасанием интереса ко всему греческому – от незнания греческого языка и культуры⁷². Проблема, однако, в том, что еще в 1932-м в соответствующей главе «Немецкого духа в опасности» Курциус как будто уже обозначил эту проблему, а следом – успел даже ее разрешить:

«Все греческое – до поры и со всеми оговорками – мертво. *Graeca non leguntur*: что сегодня, что тысячу лет назад. У нового эллинизма с его вялыми намерениями шансов нет никаких. [...] Пиндар и Софокл нам уже не помогут»⁷³.

«Если нам и вправду предстоят темные века со светлым возрождением в перспективе, то и гуманизм наш не сможет опереться на Античность или на Ренессанс; опорой ему послужить может лишь Средневековье. Говоря яснее и конкретнее, новый гуманизм – это не классицизм и не возрожденческие мечтания – это скорее медиэвализм и реставрационная мысль»⁷⁴.

Весь реставрационный гуманизм Курциуса с опорой на медиэвистику выстроен таким образом, чтобы подчеркнуть значение латинской культуры, которая уже в раннем Средневековье вполне отделилась от греческой. В «Европейской литературе и латинском Средневековье» Курциус специально обозначает, что греческого языка на всем протяжении Средних веков не знали. Так, Данте называет Гомера «верховным поэтом», просто отдавая дань традиции, поскольку на деле он мог читать только «убогую» (по словам Курциуса) «*Лияс латина*». Как же в этом контексте понимать откат 1952 года? Что это – сознательный разрыв с собственной латинской программой нового гуманизма? Пересмотр взглядов на гимназическое образование? Пожалуй, речь все-таки идет о чем-то менее доктринальном и более личном, человеческом.

В своей лекции 1950 года о средневековых основаниях западного мышления Курциус говорит: главное, чем для нас ва-

71 ИДЕМ. *Büchertagebuch*. S. 65.

72 Ср.: Ibid. S. 456. Здесь Курциус приводит «катастрофическую» американскую статистику от 1949 года: из 884 000 учащихся 9000 изучают латинский, и только 14 человек – греческий. В 1918 году отказ от преподавания древних языков в гимназиях, наоборот, казался Курциусу почти желанным.

73 ИДЕМ. *Deutscher Geist in Gefahr*. S. 126.

74 Ibid.

жен средневековый период европейской истории, – это особый дух того времени, позволивший переутвердить угасшую было традицию. «Дух этот – Вера и Радость». Средневековая гуманистическая мысль решительно противостоит отчаянию, даже в самые отчаянные времена; Данте встречает в аду особый тип томящихся: тех, кто предался унынию. «Сегодня их лечили бы от депрессии, но для Данте то были грешники»⁷⁵. По многим причинам – внутренним и внешним, веским и сомнительным – Эрнст Роберт Курциус в поздние годы несколько отклонился от идеалов «Веры и Радости», а в работах о гуманизме разных лет в полной мере отразилось его собственное переживание эпохи. «Уныние и одухотворение» – так в переводе Стефана Георге называется бодлеровский «Spleen et Idéal»: в публицистике Курциуса, пожалуй, хватает и того и другого. И это живое узнавание, эта причастность тексту и времени, эта встреча с историей и самим собой тоже в немалой степени овеяны гуманистическим духом.

75 ИДЕМ. *Gesammelte Aufsätze zur romanischen Philologie*. S. 39.